

Друзь, - 1989, - 12 шавел

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

Андрей Вайда: «Мы можем жить надеждой...»

Последние годы он в Москве не бывал. Как, впрочем, и последние его картины. Увидеть их мы смогли лишь нынешней зимой на проходившей в Москве ретроспективе фильмов Андрея Вайды. А сейчас в Москву приехал он сам. Андрей Вайда — председатель жюри XVI Московского международного кинофестиваля.

«Сорок пять вопросов за сорок пять минут» — под таким лихим названием шла встреча с ним в профессиональном клубе кинематографистов. Скажем сразу: без ограничений, увы, не обошлось. Ну, регламент — это понятно. Никакого разговора о фестивале — понят-

но тоже: председателю жюри предварительно оценивать происходящее не с руки. А вот полное исключение профессионального разговора, признаться, озадачило. Говорят, сам Вайда так захотел...

Может, и прав. Недавно мы с легкой руки сатирика шутили, что читать стало интереснее, чем жить, а сейчас все как бы наоборот. Трансляции заседаний Съезда по популярности у зрителей далеко обгоняют самый завлекательный кино- или литературный сюжет. Вот и замечательный польский кинорежиссер пришел к нам в ином своем качестве — политического и общественного деятеля.

ситуация в вашей стране.

— Вы работали в разных странах. Нет ли желания поработать в нашей стране во время перестройки?

— Разумеется, есть. Всегда мечтал сделать фильм по рассказу Льва Толстого «За что?» Но пока все упирается в отсутствие сценария.

— А не хотели бы снять

фильм о советской перестройке?

— Я бы не взялся за такую задачу. Подобный фильм может сделать только здешний режиссер, хорошо знакомый с ситуацией.

— Кто из современных политиков не вызывает у вас раздражения?

— Политики существуют не

для того, чтобы к нам подлизываться и с нами заигрывать: Их долг — говорить нам правду.

— Не мешает ли политическая и общественная деятельность вашей творческой работе?

— Разумеется, мешает. Но я уже тридцать пять лет занимаюсь творчеством, создал свой театр, кинематограф, «сделал»

свое имя. Теперь это имя я отдаю «Солидарности».

— Как вы относитесь к понятию нравственности в политике?

— Мне со всех сторон не устают говорить, что политика и мораль — вещи разные. Но все политические перевороты начинались с нравственных.

— Отношения России и Польши в определенных периоды складывались трагически. Известно, что в Польше существуют у какой-то части людей и антирусские настроения. Что противопоставляют им деятели искусства?

— Мы, увы, сделали немного. Мой скромный вклад — многократные попытки перенести на польскую сцену произведения Достоевского, великого русского писателя, против которого существует предубеждение в Польше: он говорил о поляках весьма скверно. Я же хочу объяснить его общечеловеческое значение. Много делают переводчики, которые переводят его — и не только его — произведения. Но если в литературе, театре удавалось что-то сделать, в кино это труднее — там была самая жесткая цензура.

— Мы задаем вам сорок пять вопросов за сорок пять минут. А какой вопрос вы задавали се-

бе в двадцать лет и какой — сегодня?

— Этот вопрос — о судьбе моей родины.

— Смогут ли советские зрители увидеть все ваши фильмы?

— Музей кинематографии в Советском Союзе намерен показать все мои картины осенью следующего года.

— Вы не боитесь, что эти полтора года ожидания — слишком большой срок? Речь идет не о вашем здоровье — дай вам бог, как говорится! — но о нашем политическом здоровье.

— Я понимаю этот вопрос.

И, думаю, его задают себе не только собравшиеся здесь, в зале. Но мы можем жить только надеждой. Нам надо верить. Конечно, лишь надеждой мы не должны ограничиваться — каждый должен что-то делать сам. Должно быть много людей, идущих в одном направлении.

...Как пошутил А. Вайда, в старом фильме всегда так — кончается не тем и все идет не по плану. И представил нам своего друга — депутата парламента и главного редактора независимой польской газеты Адама Михнина. И было еще много вопросов — уже к Михнику. Один из ответов удивительно напомнил сказанное Вайдой:

— Мы живем надеждой...

Т. ИСКАНЦЕВА.

— Не так давно ваши фильмы подвергались в нашей стране остракизму, а теперь вы приглашены в Москву. Подразумевается, что вы исправились?

— Я всегда надеялся, что негативная оценка моей работы — лишь временное явление и что мои фильмы пойдут на советских экранах. Не думаю, что я исправился. Думаю, исправилась